

(причем вопреки прозападной точке зрения патриарх обосновывал идею опоры на собственные внутренние силы империи, побуждая проводить активный политический курс и призывая к священной войне — *πόλεμος ἰερός* — против ислама)³⁴, в политической мысли палеологовского времени все больше получала отражение позиция, легшая в основу платформы туркофильства. Согласно этой позиции, владычество турок не принесет ущерба христианской вере в силу их религиозной лояльности. Иоанн Кантакузин ответил папскому легату Павлу по поводу его сочувствия христианам, вынужденным жить среди турок: «Я не считаю их всех, как ты говоришь, нечестивыми, но думаю, что многие из них лучше и благочестивей многих из живущих в здешних землях...» (*Кант. Беседа*. 333. 23).

Примирительное отношение к туркам отражено и в сочинениях Григория Паламы, апологета мистики, человека, оказавшего огромное влияние на общественное мнение и являвшегося в какой-то мере идеологом тех кругов, которые были связаны с действиями сепаратистски настроенной знати. Побывав в плену у турок, он — якобы со знанием дела — особо подчеркивал в своих сочинениях этой поры, что турки не посягают на свободу вероисповедания других народов³⁵.

Даже Алексей Макремволит, видевший реальные политические последствия турецкой экспансии, считал возможным оправдывать турок, признавая их большую, нежели у христиан, религиозность и нравственное превосходство (*Al. Makr. Logos*. 2. 37v—38r). Несомненно, на позицию Макремволита, писателя, ближе всех стоявшего к средним слоям населения столицы, оказало воздействие широкое общественное мнение, сформированное под впечатлением поведения латинян на завоеванных в результате Четвертого крестового похода византийских землях. Неприятие {270} господства латинян («братьев-христиан») приводило к пассивности населения перед угрозой турецкого завоевания: представлялось предпочтительнее испытать гнев со стороны нечестивых, чем стать жертвами христиан-латинян.

Преимущественное внимание лишь к одной линии в оценке поздневизантийскими писателями внешнеполитической ситуации — византийско-турецким отношениям — свидетельствует о том, что официальная политическая доктрина великодержавности уже не могла не встречаться современниками весьма скептически. Несмотря на мощное звучание хора энкомиастов, возвеличивающих авторитет империи, реалии внешней политики Византии заставляют верить тем немногим авторам, которые порой осмеливались вопреки традиции высказать публично иное мнение. Прежде всего здесь следует назвать Димитрия Кидониса, первого министра трех византийских императоров — Иоанна V Палеолога, Иоанна VI Кантакузина и Андроника IV Палеолога. Наряду с проофициальными и проправительственными заявлениями он в ряде писем, адресованных близким людям, и в нетрадиционном по своему сугубо критическому духу сочинении «Апология I» скинул пелену с придворной витиеватой вежливости и с являвшегося нормой политического поведения, сознательно ориентированного на следование канону³⁶. Кидонис открыто заявил, что в международных отношениях давно уже властвуют не византийцы, а турки (*Cydon. Apol.* P. 374.42—43). Как сами императоры, так и их подданные постоянно пользуются помощью турок и готовы перейти в их лагерь (*Ibid.* P. 374. 46—50). Те из соседних государств, которые раньше входили в орбиту влияния Византии, давно служат ее врагам (*Ibid.* P. 374. 51—52). Только те, кто не способен разобраться в сложившейся международной обстановке, кто «по невежеству, как говорят, пригоден лишь для того, чтобы пасти коз» (*Ibid.* P. 374. 53—54), по старой памяти еще тянутся к Византии.

Однако, несмотря на все просчеты и явные неудачи во внешней политике, Византия по-прежнему оставалась верна позиции великодержавности, называя соседей варварами и не принимая их в расчет («подобно ослам и быкам» — *Ibid.* P. 365. 77—80) при оценке политической ситуации на Балканах и в Малой Азии.

Дух официальной идеологии, несмотря на то что время от времени высказывались критически звучащие оценки в ее адрес, пронизывал политическое сознание византийцев. Димит-

³⁴ Барабанов Н. Д. Идеино-политическая борьба в Византии на рубеже XIII—XIV вв.: (По данным писем патриарха Афанасия I): Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1982 (машинопись). С. 174—175.

³⁵ Meyendorff I. Introduction à l'étude de Gregoire Palamas. P., 1959; P. 170; Philippidis — Braat A. La captivité de Palamas chez les Turcs: dossier et commentaire // TM. 1970. T. 7.

³⁶ Kianka F. The Apology of Demetrius Cydonis: A Fourteenth-Century Autobiographical Source // EB. 1980. Vol. 8. P. 57—71; Поляковская М. А. «Апология I» Димитрия Кидониса как памятник общественной мысли XIV в. // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982. С. 20—37.